

ПАМЯТЬ ПЕРВОГО АКАДЕМИКА

Пушкин назвал Петра Великого — академиком. Это вовсе не значит, что Петръ был ученым, членом Академии Наук, человеком науки. По это означает, что он был глѣм русским вѣдомым государемъ, который прекраснo создалъ, что безъ науки не можетъ существовать великое государство, что на ука должна занимать высокое и почетное мѣсто въ жизни государства, что науки — уваженіе и слава. Онъ много старался о заведеніи у насъ правильной школы, о насажденіи у насъ просвѣщенія. Онъ, какъ никто до него, заботился о просвѣщеніи народа и о подготовкѣ столь нужныхъ для всякаго государства ученыхъ. Онъ понималъ, что «Академія и школы дѣло сего зѣло нужное для обученія народа» (Регламентъ главнаго магистрата). И онъ заботился не только о т. н. приказныхъ, техническихъ знанияхъ, которыя приносятъ обществу для всяка очевидную, непосредственную пользу. Онъ заботился и о наукахъ, отвлеченныхъ отъ непосредственной пользы, о наукахъ, какъ будто бы совсѣмъ и ненужныхъ для практической жизни. Онъ понималъ, что практическія знания могутъ процвѣтать лишь въ окруженіи общаго культурнаго и духовнаго расцвѣта. И потому Петръ заботился о разномноженіи у насъ не только самыхъ элементарныхъ, начальныхъ училищъ (цифирныхъ школъ) созданныхъ не только школу математическихъ и навигацкихъ наукъ, но только школу инженерную и артиллерійскую, но только морскую академию или медицинскую школу, — онъ былъ творцомъ и общеразностельной школы, въ которой обучали и философию, и этику, и политикѣ и латинскому языку. Больше того, именно ему, Петру, пришла первая мысль о созданіи Академіи Наукъ.

мысль что, можетъ быть даже совсѣмъ близко то время когда Россія научитъ мѣру на поприщѣ культурнаго преуспѣванія. Известны — въ переломѣ одного изъ иностранцевъ современниковъ — его ободраженія слова, обращенныя къ его ближайшимъ сотрудникамъ:

— «Можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы присидите другія образованныя страны и вознесете на высокую степенъ славу русскаго имени...»

Аутентичность этихъ, приписываемыхъ Петру словъ подтверждается другимъ свидѣтельствомъ другого иностранца — брауншвейгскаго резидента Вебера, — по показанію котораго Петръ однажды въ Петербургѣ произнесъ такую рѣчь на эту же самую тему и сказалъ:

— «Передвиженіе науки и приращиваніе въ обращеніи крови въ человѣческомъ глѣдѣ, и, дается мнѣ, что со временемъ онъ оставитъ теперешнее свое мнѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, проберется нѣсколько вѣковъ у насъ, и затѣмъ снова возвратится въ истинное отечество свое» (иными словами — въ Герцію).

Академикъ Петръ былъ вѣдомымъ русскимъ государемъ вращивавшимъ въ творческій национальный теплѣ своихъ подданныхъ!

И — мы то теперь это хорошо знаемъ! — эта *Петровская опера* была не безпочвеннымъ мечтаніемъ. Прошло всего нѣсколько десятилѣтій послѣ смерти Петра, и уже появилось *русское научное имя* которое действительно, вознеслось на высокую степенъ славы. Великъ за чудеснымъ явленіемъ Петра послѣдовало столь же чудесное явленіе Ломоносова.

Указъ объ учрежденіи Академіи Наукъ. 28 января 1724 г.

«Учредить академію, въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знаніямъ художествамъ и переводили бы книги. На содержаніе оныхъ опредѣлить доходы, которые собираются съ города Нервы, Дерпта, Нарвы и Архангельска, таможенныхъ и акцизныхъ 24.912 рублей. Къ расположенію художества и наукъ употреблены обыкновенно два образа зданія: первый образъ называется университетъ; второй академія, или советъ художества и наукъ. Поневже нынѣ въ Россіи въ возрастаніи художества и наукъ учинено быть имѣть, то ради невозможно, чтобы здѣсь существовалъ въ прочихъ государствахъ принятому образу, но надлежитъ, смотря по состоянию зданія государства, какъ въ расужденіи обучающихъ, такъ и обучающихся, и такое зданіе учинить, черезъ которое бы не только слава сего государства для разномноженія наукъ и изящныхъ ремеселъ распространялась, но и чрезъ обученіе и расположеніе оныхъ польза въ народѣ шире была. При заведеніи простой академіи наукъ ономъ учрежденіи не исполняется, ибо мѣтъ чрезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распространяются, одинъ кожъ-де оныя не скоро въ народѣ распадаются, а при введеніи университетскаго образа не то, ибо тогда случится, что еще прамыхъ школъ, гимназій и семинарій нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди начинали обучаться и потомъ выше градусы науки воспріять и угодными учинить себя могли, то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетскаго образа польза учинить могла. И тако потребно имѣть, чтобы здѣсь такое собраніе заведено было, ежелибы изъ самолюбивыхъ ученыхъ людей состояло, которое довольны бы суть: 1) науки проповѣдать и совершенствовать, однакожъ-де тако, чтобы они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей публично обучали, и чтобы они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младшихъ людей первыми фундаментомъ науки сами обучать могли. И такимъ образомъ одно зданіе съ малыми изытками также бы съ великой пользой чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинить».

ли въ исторію какимъ то чудеснымъ феноменомъ, необъяснимымъ великую вещь нашего національнаго естества. Многие публицисты русскаго историческаго прошлаго, оставаясь въ наукѣ, часто и преувеличенно говорятъ о немъ, какъ о непонятномъ исключеніи изъ ряда, и склонны противопоставлять ему русскую стихію, въ крестности своей будучи сопротивлявшимся его верховному реформаторскому руководству. Ломоносовъ — другимъ опроверженіемъ этой легенды: онъ вышелъ изъ самыхъ глѣдъ русской народнаго стихіи и сталъ въ то же время однимъ изъ самыхъ замѣчатѣльнѣйшихъ восторженнѣйшихъ послѣдователей Петра — и не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Ломоносовъ такъ же, какъ и до него подмосковный крестьянинъ Посошковъ, первый изъ русскихъ написавшій подлинно-научный экономическій трактатъ о Россіи, патетически воспринялъ дѣло Петрова, какъ спасительное дѣло всей Россіи, какъ залогъ ей великаго будущаго.

ДОБРЫЕ ЗАВѢТЫ

Поминать добромъ царей, даже давно умершихъ, считалось въ прежние времена дурнымъ тономъ у русскаго интеллигентнаго. Не только рядовые радикалы, — а кто не былъ радикаломъ до октября 1917 г.? — во я учение не умѣли и не хотѣли цѣнить такихъ даже самыхъ блестящихъ даровитыхъ Самодержцевъ. Всероссійскіе, какъ Екатерина 11 или Александръ 1.

Въ день, когда Академія Наукъ справляетъ свое 200-лѣ, намъ, гаветчикамъ, не грѣхъ напомнить державную журналистку.

Выборъ съ президентомъ Академіи, т. е. Е. В. роной — Давыдовой, основа на Екатерина первая русскаго литературнаго журнала, «Собесѣдникъ любителей Русскаго Слова». Проучествовала она нѣдолго, 1783-84 годъ. Но это было живое дѣло, перламутромъ оторвать русскую литературу и въ нѣсколько и отъ славы. Державинъ и Фонъ - Вишнякъ открывали путь Карамзину, Жуковскому и Пушкину. Императрица не только сочувствовала имъ, но записала рядъ вѣдомыхъ фельетоновъ подъ общимъ заглавіемъ «Были и будутъ».

И закончила она ихъ заглавіемъ, которое до сихъ поръ, спустя 140 лѣтъ, можетъ служить указомъ и урокомъ для многихъ.

«Собственное мое мнѣніе «Были и Будутъ» отдалъ (такому-то) съ тѣмъ, что ему самому или доку онъ отдастъ, пожелать, продать или заложить, да продолженія оныхъ, не писать и проповѣдать, либо съ трудомъ, будто подымая загосты на блокъ».

«Краткія и легкая выраженія предпочитая дѣлать, а не кругозвонитъ».

«Кто писать будетъ, тому думать по русски».

«Иностранныя слова заимывать русскимъ, а въ иностранномъ языкѣ не заимывать словъ, ибо языкъ и безъ того довольно богатъ».

«Краснорѣчія не употреблять, и глѣдъ развѣ само собою явится».

«Слова жалостъ пенныя и буде можно съ попенъ».

«Скуки выстатъ, и глѣдъ, наипаче же умъ ищущій безпреченитъ».

«За смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться».

«Глубокомыслие окутатъ истинность, а полъ коммеліе истинности, слога, дабы вѣдомъ и учинитъ».

Какъ не сопоставить это съ опредѣленіемъ 22-хъ лѣтъго Пушкина: «Тонкость и опрѣтность — вотъ первая до степенности проза. Она требуетъ мысли и мысли. Блестящія выраженія ни къ чему не служатъ. Стихи — дѣло другое. Впрочемъ, и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поетамъ дѣлать сумму идей, горадо поучительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно».

Въ стихахъ Пушкина все сказано:

Слогъ темень, вахель, нашамени,
И тѣмъи словеса пустыя.

Какие хорошія предостереженія и совѣты. И какъ трудно имъ следовать.

Ариадна Тюркова.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ

1712 — 1765.

Неводъ рыбаки разстилали на берегу студеного моря,
Малычикъ отцу помогалъ. Отрокъ оставъ рыбака,
Мрежи иныя тебѣ ожидають, иныя заботы:
Будешь умъ увозять, будешь помощникъ царямъ.

А. Пушкинъ.

ОБУЗА

Послѣ ужина пили чай, жадно и торжественно просматривали газету, только что привезенныя съ почты, — ихъ не было нѣсколько дней и теперь пришла сразу дѣлая куча. Все то же, все та же херская и дурная чушка! Почему все постепенно развалилось спать. Остался одинъ и все читалъ, возмущаясь и возмущая. Вдругъ случайно взглянуть на окна: на переднемъ старуха рамъ — красота старуха, сосенъ и елей, романтическая панорама рѣкъ, вѣней, сумчатъ и свое небо апрѣльской лунной ночи и свѣтлой дощери, между ними. И внезапно все тѣмъ рукой снято, сразу все «чуждое и дурное», рѣкъ эти Керенскіе и рабочіе депутаты точно провалились куда-то. Быстро встала, пришла въ лабиринтъ, вѣдъ картузъ и пальто, вышелъ на крыльцо: что за ночь! Вотъ ужъ действительнѣе: «Ужъ ты, ночь, моя ночь, ты, веселая ночь!»

Крыльцо и вся эта сторона дома въ тѣни, въ вѣзральной тѣни лунной ночи, а впереди — просторный свѣтлый дворъ и сверкающія елмы и старыя оловянные крыши надворныхъ построекъ. Сбѣжалъ съ крыльца легло, молодое, повернулъ въ садъ: ночь свѣжая, но сухая, полная луна стоитъ необыкновенно высоко, небо совершенно чисто. Выходъ въ аллею — она еще голая, изысканная короткія тѣни спокойно лежатъ на сухой землѣ, до которой такъ приятно идти. И все споконно, все приятно, все хорошо, очаровательно. Далеко навсквозь виденъ голый низкій садъ.

Нѣтъ аллеей вернуться на дорожку между кустами сирени и акacias: еще лучше. Свѣтлая ночь сияетъ кругомъ въ уютѣ сада, надъ свободнымъ пространствомъ его, надъ возвышеніемъ, на которыхъ стоятъ только изысканная старья яблоны, уже загнившія. Луна смотритъ съ высоты прямо въ лицо. И всюду великая тишина и пустота — и усадьба, и вся деревня давно спятъ. Не спать только старикъ, — вдалеку вправо, въ фангелѣ, уже много лѣтъ доживающійся въ саду безъ призора, свѣтится огонекъ. Иду на него.

Поднявшись на крыльцо и отворивъ дверь въ свѣтъ въ прихожую, не сразу понимаю, что это такое: алъ какой-то! Прихожая, большая и пустая комната, вся полна дѣлаго дыму, и въ этомъ дыму багрово пылають два пламени: одно на столѣ въ лампочкѣ, вторая горитъ безъ стекла и отъ которой черная копоть валитъ до потолка, а другое въ печкѣ, которую топилъ старикъ, сидя на полу въ колѣнкахъ. Онъ энергично, съ сухими тресками, ломаетъ большыя кочерженныя рудыя бурьяны, нахвѣтъ его въ печку, и огонь вылетѣтъ съ клубами дыма то и дѣло вышибаетъ назадъ.

И хлопнуть дверью, входя, я подхожу къ самой печкѣ, но старикъ или не слышитъ, или не хочетъ слышать. Онъ не обращаетъ, ломаетъ и глядитъ съ тѣмъ страннымъ вниманіемъ, съ которымъ люди всегда глядятъ на огонь. Онъ въ замужганномъ, сохшемся отъ времени полуубочникѣ и въ моей старой шляпѣ. Глаза у него отъ дыму красны, какъ раны, плачутъ, но онъ, не обращая на это вниманія, глядитъ. Лицо морщинистое, китаецкое, съ опухавшей сѣдой бородкой.

— Здравствуй, Ефремъ. Что жъ не спишь, одинъ сидишь?

Онъ горно сразу просыпается и дико выглядываетъ на меня. Потомъ рѣзко, отрывисто и почти со злобой:

— Какъ одинъ?

— Да какъ же, всѣ давно спятъ, одинъ ты сидишь.

— Я не одинъ.

— А съ кѣмъ-же?

— Съ Богомъ.

— А затопилъ почему?

— Почему! Лѣгъ было, да холодно. Затопилъ весь. Тебѣ хорошо въ теплыхъ комнатахъ.

— И трубу, вѣрно, не открылъ какъ слѣдуетъ — ишь сѣвально дыму валуется!

— Не достану я ее старымъ какъ слѣдуетъ. (Еще рѣзче и отрывистѣе): ...Открылъ какъ попалю, затопилъ и сажу... Вотъ такъ и живу, ночь въ день обращаю. Да. Другіе давно померли, а меня земля забыла. Что-жъ дѣлать! Хотеть, не хощемъ — живи!

— Это правда. А у тебя вѣдъ, кажется, и родныхъ никого нѣтъ?

— Захотѣлъ родныхъ?

— И дѣтей не было?

— Были, да спыли. А жена — на кой

мнѣ лядъ? Безъ дѣтей она мнѣ совсѣмъ безъ надобности.

— Все вѣдомъ-то, думается, лучше.

— Съ лукомъ! По могиламъ вдвоемъ не лежать.

— Такъ. Значитъ, совсѣмъ плохо?

— Чужая пѣчка холодна.

— А на свою не хощешь. Кто-жъ виновать? Вѣдъ у тебя, говорить, свой домъ есть

— Самъ же и виновать. Дома во сто разъ скуднѣе. Забота да обуза. Забота да скука, только и всего. А тутъ я какъ пилка. Всталъ и ушелъ, только и всего.

Немолчишь:

— Да и дѣтъ-то кой — одна чурки. И земли нѣту.

— Ну вотъ, теперь лучше, говорятъ, будетъ. Теперь революція. Слышалъ, небось?

— Какая еще такая революція!

— Такая, чтобы, значить, всѣмъ стало лучше.

— Никогда этого не будетъ.

— Какъ не будетъ? Вотъ тебѣ, наприхѣръ, земля дадутъ.

Онъ вдругъ бросилъ ломать и вихать, сѣлъ, отвалившись назадъ, на ноги, и, обернувшись ко мнѣ, заговорилъ уже почти яростно:

— Знаю, ну, знаю, слышалъ. Царя, говорятъ, свѣстятъ?

— Да, свѣстятъ. А что-жъ, развѣ плохо?

— Я этого не знаю. И знать не хочу. Одно мѣрзенье.

— Мѣрзенье чего?

— Всего. Чертъ, дурани! Живя легко, быть заботы. А теперь, значить, обо всѣмъ самъ голову ломай?

— Да вѣдъ земля дадутъ.

— Обшьятъ! Всего обшьятъ! А мнѣ она, можетъ, безъ надобности? Спросилъ развѣ меня?

И, отворившись, опять сталъ смотрѣть на прорывающій огонь и, опять начавъ ломать бурьяны, заговорилъ уже спокойнѣе, хотя все еще сердито:

— Мнѣ хорошаго вѣдѣе жать. Мнѣ теперь, слава Богу, ничего не надо. А господъ нельзя быть послѣдствія оставивъ. Илъ тоже надо принять къ свѣдѣнію. Развѣ они увѣтъ работатъ? И развѣ бы, да не увѣтъ. А прѣтисамъ стору нельзя. Говорятъ — они теперь сами нахъ будутъ! Наполе, говорятъ, всѣхъ ихъ бужемъ выгонятъ! Чего съ дурацкаго головы не выдумаютъ? Какого то распоряженіе? Это что-жъ — чтобы лица пазвала, а рыба летала? Это, значить, прѣтисамъ? Нѣтъ, тутъ хорошаго никогда не будетъ. Они, сволочи, жажмятъся хочуть. (Повышая голосъ): А мнѣ чего есизаконъ навязывать? Мнѣ ихла земля не нужна, это одла обуза. Моя земля (стука пальцемъ въ полъ) моя земля вѣтъ гдѣ! Мнѣ теперь одна дорога. Мнѣ трѣхъ надо отмажывать, на свободѣ жить. А то что это было? То молодой былъ, то, въ лѣта воевалъ, все воевалъ да увѣтъ, а теперь вотъ и свамъ вѣту, до черныя дойду! Такъ-то и съ нами, съ океаньямъ.

— Съ кѣмъ?

— Со воякамъ.

И, нахмурившись, замолчалъ. Потомъ вдругъ опять повернулся и ввезвалъ, со старческой силой уныло, сказавъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— И умеръ бы, можетъ быть, да умереть-то — пошу три рубля, да по да сел... И съ улыбой, еще болѣе выдроканной:

— А тамъ ну-ка спроситъ, отъого иль пѣный номеръ, безъ всякаго удовольствія...

— Значитъ, есть такой указъ, что бы пѣному туль являлся?

— А какъ же? Облѣгательно! Облѣгательно, чтобы немощно замолчалъ, повеселился да по откровенію, въ одинъ портокалъ!

И вдругъ опять расворчался и опять закричалъ:

— А прѣ эти дѣла и дивное не знаю! Не знаю и знать не хочу!

И долго и прѣстально смотрѣлъ на него, вынимая портокалы, закурилъ. Онъ молчалъ, глядя въ огонь.

— Ну, до свиданія, — сказалъ я наконецъ. — Ложись спать, спокойной ночи.

— Илежусь еще въ землѣ, убитая, — отрывисто бросилъ онъ, не оборачивая головы. — Иди, иди, прѣтай.

Я вышелъ и, опять черезъ садъ, пошелъ на кухню, въ поле. Спать совсѣмъ не хотѣлось, въ душѣ и въ тѣлѣ было еще легкое, еще вѣсело. Алъ, совсѣмъ еще невѣдомое мнѣ лежи! Или и впрямъ мудренъ?

Далеко навсквозь виденъ голый садъ. Низко стоитъ и мистически — радостно смотрѣтъ изъ — на дальнихъ вѣтвяхъ березы, бѣлѣющихъ свѣтлыми вѣтвями, крушина зеленая свѣзда.

Ив. Бунинъ.